

Лора Акай

**Каков же настоящий
Кропоткин?**

Оглавление

Первобытное общество и факторы, подрывающие взаимопомощь	4
Кропоткин и проблемы экологии	9
Кропоткин и женский вопрос	12
***	16

Прошло около ста лет с тех пор, как были опубликованы самые известные работы Кропоткина; сейчас они переиздаются как классика анархизма. Его вклад в анархическую мысль огромен. В то же время при знакомстве с сочинениями Кропоткина многие находят законные основания для критики некоторых аспектов его учения. Я хотела бы указать на несколько таких аспектов, в которых Кропоткин, по моему мнению, противоречит сам себе — в том числе на его одобрительные замечания по поводу первобытно-общинного коммунизма и одновременное сетование на первобытные условия существования и восхваление промышленности и технологии; на его «экологические» поселения и восхищение перед машинами; на его призыв к освобождению женщин от домашней работы и одновременно стремление возложить эти обязанности исключительно на женщину.

Среди работ Кропоткина, которые будут объектами этой критики, назову, прежде всего, «Взаимопомощь, как фактор эволюции», «Хлеб и воля» и «Поля, фабрики и мастерские».

**Первобытное общество
и факторы, подрывающие
взаимопомощь**

Из всех многочисленных и разнообразных работ Кропоткина, без сомнения, важнейшей книгой, оставленной им человечеству, является «Взаимопомощь, как фактор эволюции». Значение этой книги всегда хорошо понималось анархистами, которые продолжают утверждать, что правительство и другие институционализированные формы власти не только не нужны людям, на протяжении тысячелетий живущим как общественные существа, но и являются причиной конкуренции и взаимного уничтожения нашего животного вида. Вклад Кропоткина в общественную мысль своего времени был огромен, и справедливость его суждений в настоящее время подтверждается многочисленными открытиями в области антропологии.

Для того, чтобы лучше понять значение этой его работы, необходимо принять во внимание те идеи, которые господствовали тогда в общественной мысли, и которые побудили Кропоткина написать серию статей, опубликованных в 1890-1896 гг. и составивших позднее книгу «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса». В XVII веке Гоббс в книге «Левиафан» нарисовал картину постоянной борьбы каждого против всех; он отстаивал идею высоко-централизованного государства, призванного обеспечить нормальное функционирование общества и установление контроля за естественным человеческим стремлением к конкуренции. Именно такой образ человечества стремятся увековечить все институты власти, которые вынуждены оправдывать свое собственное существование, и именно такой образ человечества многие люди считают истинным. Этот взгляд и сегодня является господствующим, хотя наукой сделано многое для того, чтобы его опровергнуть.

В начале XIX века Мальтус написал «Очерк о народонаселении», который, по существу, был попыткой опровергнуть идеи, высказанные Годвином в его «Исследовании о политической справедливости». Мальтус писал о процессе естественного отбора, которой должен определять рост населения. Слабые и бедные — это группы, существование которых неизбежно, и их уничтожение должно рассматриваться как позитивный фактор, поскольку в таком случае население не будет расти бесконтрольно и выживать будут лишь сильнейшие. Эта идея освобождала экономические и общественные системы, основанные на несправедливости, от любой вины за то состояние, в котором находится человечество.

Мальтус заставил многих людей задуматься над проблемой естественного отбора. Среди этих людей был и Дарвин, идеи которого впоследствии были вульгаризированы социал-дарвинистами. Дарвин считал, что люди выжили и развивались именно благодаря своим общественным чертам. Ученики же Дарвина, в особенности Гексли, интерпретировали естественный отбор как механизм, который отсеивает наиболее приспособленные к выживанию особи на основе разнузданной конкуренции.

Если люди по природе своей склонны к конкуренции, это является оправда-

нием для существования посреднических органов и институтов. Именно эту идею Кропоткин стремился опровергнуть. Основываясь на наблюдениях, сделанных другими антропологами и учеными (среди них был и другой анархист, Эли Реклю) и на том, к чему он пришел в результате собственных исследований, он решил написать «Взаимную помощь». Эта книга не только опровергала идеи социал-дарвинизма, но и сослужила хорошую службу антиавторитариям двадцатого столетия.

Идеи взаимной помощи и антропологические исследования, сделанные позднее на основе этих идей, послужили фундаментом современной критики цивилизации в том виде, в котором она излагается примитивистами — сторонниками анти-цивилизационного течения. Эти идеи можно найти в основном на страницах американских, канадских и отчасти французских анархистских и антиавторитарных изданий. Центральное место в этих теориях занимает признание того, что господство и отчуждение начали возникать с момента «одомашнивания» людей¹, и это происходило еще более активно с началом процесса «цивилизации», которая включала в себя развитие сельского хозяйства, возникновение частной собственности, разделения труда, городов, правительства, денег, наемного труда, возникновение технологий и т.д. Хотя выводы Кропоткина отличаются от того, к чему приходят примитивисты (на этом мы остановимся ниже), мы можем отчетливо видеть, как Кропоткин понимал этот трагический аспект развития.

Он писал: «Изучая первобытных людей, нельзя не удивляться развитию общительности, которую человечество проявляло с самых первых шагов своей жизни. Следы человеческих обществ были найдены в остатках каменного века, как позднейшего, так и древнейшего; а когда мы начинаем изучать современных дикарей, образ жизни которых не отличается от образа жизни в позднейшем каменном веке (неолитическом периоде), мы находим, что эти дикари связаны между собой чрезвычайно древнею родовой организацией, которая дает им возможность объединять свои слабые индивидуальные силы, наслаждаться жизнью сообща и подвигаться вперед в своем развитии. [. . .] Как только, однако, мы переходим к более высокой ступени развития и обращаемся к истории, которая уже может рассказать нам кое-что об этой ступени, мы бываем поражены борьбой и столкновениями, которые раскрывает нам эта история. Старые узы, по-видимому, совершенно порваны. Племена воюют с племенами, одни роды с другими, отдельные личности между собой; и из этой схватки враждебных сил человечество выходит разделенным на касты, порабощенное деспотами и распавшееся на отдельные государства, которые всегда готовы вступить в войну друг одно против другого. И вот, пе-

---

¹ В английском языке используется термин «domestication», означающий как одомашненное состояние в противоположность дикому, естественному, так и своего рода «приручение», усвоение правил и норм.

релистывая такую историю человечества, философ-пессимист с торжеством приходит к заключению, что война и угнетение являются истинной сущностью человеческой природы; что войнолюбивые и хищнические инстинкты человека могут быть, в известных пределах, обузданы только какою-нибудь могучею властью, которая путем силы водворила бы мир, и таким образом дала бы возможность немногим благородным людям готовить лучшую жизнь для человечества в грядущие времена»²

Но хотя Кропоткин понимал, чем была подорвана практика взаимопомощи, он старался подчеркнуть, что она сохранилась в различных формах. Стремление к сотрудничеству, по его мнению, изначально присуще людям, и хотя образование может подрывать эти инстинкты, оно все же не может совершенно уничтожить их.

Кропоткин восхищался нравственностью общинной жизни вообще и тем, как она проявлялась у первобытных людей. Он особенно отмечал тот факт, что первые социальные общности были родами, а не семьями; вещи были предназначены для общего пользования и потребления, а не для частного. В то же время интересно отметить, что Кропоткин, в отличие от многих либертарных мыслителей его времени, был в значительной степени сторонником технического прогресса. Более того, в других своих работах он сетует на жизнь менее технологически развитых народов; в «Хлебе и воле» он пишет о «долгой истории, составившейся из грабежей, переселений, войн, невежества и насилий, которую человечество пережило с тех пор, как стало учиться побеждать силы природы», в течение которой «все, что нужно для производства — земля, угольные копи, машины, пути сообщения, пищевые продукты, дома, воспитание, знание — все было захвачено в свою пользу небольшой горстью людей»³. Непонятно, однако, как все эти якобы захваченные шахты и машины были созданы еще до того, как люди научились подчинять себе силы природы? Вот лишь одно из ярких противоречий, содержащихся в «Хлебе и воле». Первая глава этой книги знакомит читателя с наполненным машинами раем Кропоткина, который так сильно отличается от несчастного существования первобытных людей.

Образ первобытного общества, каким его видел Кропоткин, был достаточно двойственным. Первобытные люди были общительны, несмотря на свое несчастное существование. Ну а что же Кропоткин говорит о тех изменениях, которые наступили с приходом цивилизации? По-видимому, он не признавал за этими изменениями особенного значения; цивилизация сама по себе имеет присущую ей диалектику, и мы должны идти вперед и только вперед

---

² Кропоткин П.А. **Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса.** Пб.; М., 1922. С.119-120.

³ Кропоткин П.А. **Хлеб и воля** // П.А.Кропоткин. **Хлеб и воля.** Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С.28.

в направлении большей свободы анархо-коммунистического рая.

Из наблюдений Кропоткина, приведенных им во «Взаимной помощи», можно сделать ряд выводов. Возвращаясь к примитивистам, укажем, что они не протестуют против трактовки развития и роста цивилизации как непрерывного улучшения и прогрессирования жизни людей. Развитие человеческого общества в сторону цивилизации, основанной на разделении труда, собственности и семье, принесло с собой неисчислимых посредников и арбитров. Развитие капитализма принесло с собой возникновение неподдающиеся учету новые формы отчуждения и господства и вызвало углубляющийся экологический кризис, ставший следствием того, что земля и ее недра служат лишь постоянному расширению капитализма. Хотя Кропоткин понимал, что общинные институты в значительной степени были подорваны религией, государством и капитализмом, он смотрел на другие проявления цивилизации просто как на эволюцию, не подвергая их сомнению, и хотел видеть распространение взаимной помощи, коммунистических форм общежития и создание новых общественных форм, которые в большей степени отвечали бы современному миру. Напротив, примитивисты понимают, что социальная эволюция тесно связана с авторитарными структурами и что любые структуры, которые будут стремиться к поддержанию цивилизации в том виде, в каком мы ее знаем, неизбежно принесут авторитарные формы.

В этом так называемые примитивисты расходятся с Кропоткиным. Как и Кропоткин, они хотят жить в свободном обществе, в гармонии с людьми, не подчиняясь каким-либо формам власти и господства, но в отношении источников этого господства и этих институтов они придерживаются различных мнений. Однако их объединяет идея взаимной помощи как господствующей формы общественных отношений между людьми, свободными от любых институтов отчуждения.

Кропоткин и проблемы экологии

Многие исследователи говорят о том, что Кропоткин предлагает нам своего рода «экологическое» видение цивилизации. Аргументы, приводимые в поддержку этой точки зрения, зачастую звучат достаточно убедительно. Обычно указывают на тот факт, что общины, о которых пишет Кропоткин, — это в основном сельскохозяйственные объединения, более децентрализованные, основанные на гораздо более гуманных началах, чем объединения людей, приуроченные к городам. К тому же Кропоткин в свое время высказывался за озеленение городов. Однако следует иметь в виду то обстоятельство, что во времена Кропоткина сельские общины были гораздо более распространены, к тому же на его родине, в России, все еще господствовали отношения доиндустриальной эпохи. Этим, видимо, объясняется то, что анализ общинной жизни занимает столь большое место в его подходе к новому обществу. Сельская жизнь существовала в основном за счет труда людей, стремившихся самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым. Утопическую литературу того времени мы назвали бы сейчас «зеленой», хотя в ней анализировалось порой и применение различных полезных машин и технологий, сберегавших человеческий труд.

Несомненно, коммунистическое общество в интерпретации Кропоткина было более экологичным, чем нынешнее капиталистическое общество, основанное на крупной промышленности, все яростнее вгрызающейся в землю ради получения максимальных прибылей, необходимых для дальнейшего развития. Но кропоткинская утопия, возможно, тоже привела бы к истощению природных ресурсов, ведь был же он, помимо всего прочего, убежденным сторонником интенсификации сельского хозяйства, что в действительности может привести к серьезным экологическим проблемам. В приводимом им примере с 1000 акрами земли («Поля, фабрики и мастерские») этому участку земли приходится кормить слишком большую общину. К тому же Кропоткин был сторонником активного применения ирригации, но, как мы знаем теперь, последствия ее применения могут быть крайне вредными. Возможно, кто-то будет оспаривать это, указывая на то, что членов общины нужно просвещать, для того, чтобы они могли найти экологически-правильные решения проблем.

Кропоткин считал, что общины должны стремиться к самообеспечению. Это мудрое замечание, так как взаимозависимость зачастую требует специализации производства, посредников в процессе обмена, приводит к появлению монополий и интенсивной добыче природных ресурсов.

В кропоткинских работах не исследуются региональные различия, хотя, как мы знаем, географическое местоположение в различной степени соответствует сельскому хозяйству. В этом состоит потенциальная проблема, так как если существует возможность свободного переселения, значительное количество людей может переселиться в те местности, где получают самые обильные урожаи — если же свободы перемещения не будет, будет существовать жесткая

система частной собственности и ни о какой анархии не может быть речи. Те, кто сегодня продолжает отстаивать традиционные кропоткинские представления, обычно указывают на то, что не будет существовать недостатка в продовольствии и в других средствах существования; в случае же, если подобная ситуация возникнет (неурожай, стихийные бедствия и т.п.), в те местности, где возникает нужда, будет направляться избыток оттуда, где есть угроза перепроизводства.

Достаточно противоречивые кропоткинские представления о городах, промышленности и технологии заставляют нас задаться вопросом о том, действительно ли он стремился к созданию экологических сообществ. Кропоткин восхищался городами, говоря о том, что там сконцентрировано все богатство человеческого разума. Но как можно совместить активную добычу природных ресурсов, постройку шоссе, массовую вырубку лесов и защиту окружающей среды?

Ответ, по-видимому, заключается в том, что Кропоткин не придавал достаточного значения вопросам экологии, поскольку эта проблема не стояла тогда с нынешней остротой. Конечно, фабричная гарь и столбы дыма были ему неприятны, но загрязнение окружающей среды — это лишь видимая часть разрушения природы. Трудно сказать сегодня, что сказал бы Кропоткин, если бы узнал о современных высоких технологиях. В любом случае Кропоткина вряд ли можно назвать экологом, хотя многие пытаются представить его именно так.

Кропоткин и женский вопрос

В книге «Хлеб и воля» Кропоткин писал: «Мы [. . .] должны помнить, что революция, которая будет только наслаждаться красивыми фразами о Свободе, Равенстве и Братстве, но сохранит домашнее рабство женщины, не будет настоящей революцией. Целой половине человечества, находящейся в кухонном рабстве, пришлось бы впоследствии начать свою революцию, чтобы освободить себя от другой половины»⁴.

Хотя Кропоткин уделил внимание этому основополагающему принципу анархо-феминизма и включил его в свою книгу, пренебрежение к вопросам пола с его стороны все же очевидно. В действительности его представления о жизни женщины в анархическом рае основываются на тех же представлениях о ролях мужчины и женщины, что существовали и до него. Это становится очевидным из некоторых отрывков «Хлеба и воли».

Ариан Гранзак отмечает, что Кропоткин хотя и пишет о своем желании видеть женщин освобожденными от домашней работы, но рассматривает домашнее хозяйство как исключительную прерогативу женщины. «Мужчина должен освободить женщину с помощью машины»⁵. Здесь речь идет о таком решении Кропоткиным проблемы разделения труда между полами, которое кажется нам достаточно глупым: дать женщине машины. В главе «Привлекательный труд» он пишет о том, что, если машины возьмут на себя $\frac{3}{4}$ домашней работы, женщина будет освобождена (то есть у нее появится больше времени, чтобы ухаживать за детьми). Далее Кропоткин приветствует изобретение посудомоечной машины. Ему никогда не приходило в голову, что кто-то другой (мужчина) может взять на себя часть домашней работы.

Он, однако, полагал, что женщины, помимо всего прочего, должны работать еще и вне дома. Он пишет: «. . . и земля, размягченная и удобренная, будет только ждать разумного труда человека, особенно женщины, чтобы покрыться тщательно выращенными растениями»⁶ (выделено мной — Л.А.). В той же книге он воздает хвалу только нашимотцам и дедам, которые возделывали эти поля. Вряд ли это место следует понимать в том смысле, что Кропоткин имел в виду человеческий род вообще — нет причин, по которым он не мог бы написать, например, «родители и прародители», если, конечно, это вообще приходило ему в голову.

На кропоткинской коммунальной кухне разделение труда между полами проявляется наиболее отчетливо: «. . . разнообразие кухни состоит, главным образом, в личном характере приготовления всякого блюда каждой хозяйкой и что, если вся масса картофеля будет сварена вместе, это нисколько не помешает хозяйкам приготовить его затем каждой по своему вкусу. [. . .] Никто

⁴ Там же. С.136-137.

⁵ Gransac A. Der Anarchafeminismus und die Gemeinschaftskuche Kropotkins // Schwarzer Faden. № 33. P.39.

⁶ Кропоткин П.А. Хлеб и воля. С.93.

не имеет права заставить хозяйку получать свой картофель вареным, если она предпочитает сварить его в своем котелке, на своем огне. [. . .] Главное же (начинается часть, касающаяся мужчин — Л.А.), мы хотим, чтобы каждый мог съесть свой обед где и как хочет — в своей семье, с приятелями или же в общей столовой, если ему это лучше нравится»⁷(выделено мной — Л.А.). Ну не либерален ли кропоткинский рай? Он предлагает мужчинам выбор — чтобы женщины их обслуживали на коммунальной кухне, дома или в ресторане.

Возвращаясь к открытиям Кропоткина, сделанным во «Взаимной помощи», мы отмечаем чувство свободы, которое существовало до возникновения семьи. В соответствии с его описаниями, по мере того, как семья становится господствующей общественной единицей, мы отмечаем развитие и других феноменов — возникновение сельскохозяйственных общин, частной собственности, разделения труда и установление враждебных отношений с другими племенами. Однако Кропоткин не связывает семью с возникновением этих феноменов (мы делаем вывод об их взаимосвязи самостоятельно, на основе его описаний) и, как кажется, он не отдает себе отчета в том, что ячейка семьи создает структуры и традиции, ослабляющие более крупные общности. Напротив, заметно пристрастие Кропоткина к семье.

Он пишет: «Поглощение всех общественных функций государством по необходимости создавало благоприятные условия для развития необузданного, узколобого индивидуализма. Пропорционально тому как число обязанностей граждан перед государством росло, было очевидно, что они освобождаются от обязательств друг перед другом». То же самое можно сказать о семье и развитии частной собственности, наемного труда и религии, насаждавшей эти общественные установления.

Предрассудки, порожденные этическими склонностями и воспитанием Кропоткина, очевидны в его работе. Создается впечатление, что он проглядел процесс развития разделения труда между полами. Это неудивительно для человека, который говорит о традициях «людей», добавляя потом описания того, чем заняты их жены. Кропоткину казались очаровательными различия между полами и нигде у него мы не встречаем рассмотрения связанных с этим проблем.

Различия между полами — это еще одна вещь, которая использовала ложные представления о природе человека для узаконения самой себя. Традиционная картина, согласно которой пещерный человек ходит на охоту, в то время как женщины остаются дома и занимаются хозяйством, насквозь ложен. Это было подтверждено исследованиями антропологов, сделанными в 1980-е годы. Как отмечает Джон Зерзан, «сегодня широко признается тот факт, что сбор плодов, который традиционно считался женским занятием и имел якобы второстепенное значение по сравнению с охотой, которой занимались мужчины, был

---

⁷ Там же. С.82-83.

на самом деле основным источником пропитания. Поскольку женщины не зависели в столь большой степени от мужчин в добывании пищи, представляется вероятным, что отнюдь не разделение труда, а гибкость и совместная деятельность полов играли центральную роль. . . Джоан Джеро продемонстрировала, что каменные орудия труда, вероятно, изготовляли и мужчины, и женщины. В то же время Пурье напоминает нам, что нет археологических данных, подтверждающих наличие разделения труда между полами. Вряд ли сбор пищи был связан с большой долей разделения труда, если оно вообще имело место, и, возможно, специализация полов возникла на достаточно поздней стадии человеческой эволюции»⁸.

То, что идея «женской работы» сама по себе является ложной и антиобщинной, а не только неприятной в силу недостаточного количества машин, никогда не приходило Кропоткину в голову. В заключение, если читатель хочет узнать, что Кропоткин думал о настоящей любви и настоящих женщинах, мы отсылаем его к лекциям о русской литературе, из которых читатель узнает, что женщины красивы только в самоотверженной и неистовой любви к мужчине — это поистине одна из несчастнейших романтических идей, оставленных нам мировой литературой.

---

⁸ Zerzan J. Future Primitive // Anarchy. № 33. P.25.

***

Каков же наш вердикт Кропоткину? Как должны мы относиться к подобным произведениям, столь устаревшим и страдающим серьезными изъянами? «Отложить их в сторону? Предоставить приятному исследованию историографов, которые способны воскресить то, что давно уже умерло?»⁹ — спрашивает итальянский анархист Альфредо Боннано. Нет, в идеях и духе этих произведений слишком много ценного. Напротив, более здоровым подходом было бы изучение проблем, связанных со взглядами Кропоткина, осознание того, что из его наследия по-прежнему ценно и полезно для нас здесь и сейчас.

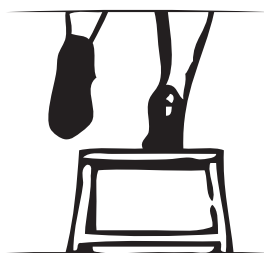
⁹ Bonnano A.M. Introduction // P.Kropotkin. The Conquest of Bread. London: Elephant Eds. P.7.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

25 мая 2014

Лора Акай

Каков же настоящий Кропоткин?

1995

Summary L.Akai (USA) Which Way Kropotkin? In her report Laure Akai looks at some of the contradictions one can find in Kropotkin's work, (namely between his laudatory observations on primitive existence and praise of technology and industry, his perceived green communes and his fascination with machines, his call for the liberation of women from domestic work while resigning them to its domain) and criticizes overestimations of Kropotkin's «ecological soundness» and feminism made by some of his present day followers.

Сохранено 14 мая 2014 года из <http://oldcancer.narod.ru/150PAK/1-02Akaj.htm>